

УДК 1(091)

ВЛИЯНИЕ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ ПРОШЛОГО Р.ДЖ. КОЛЛИНГВУДА НА РАЗВИТИЕ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ¹

А.А. Аванесян

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена исследованию вопроса о взаимосвязи между предложенной Р.Дж. Коллингвудом теорией исторического познания и развиваемой в рамках аналитической философии нарративной модели постижения прошлого. Коллингвудовский метод воспроизведения интеллектуального опыта прошлого в современном контексте поднимает вопрос о способе установления каузальных связей между единичными событиями прошлого. Исследование этой проблемы представителями аналитического направления раскрывает эпистемологический потенциал нарратива. Доступные историку методы формулирования причинно-следственных зависимостей и связывания отдельных элементов прошлого в единое последовательное повествование в этом подходе предстают полноценной исследовательской стратегией в сфере исторической науки.

Ключевые слова: теория воспроизведения, априорное воображение, идея истории, нарратив, аналитическая философия.

Развиваясь на протяжении XX – начала XXI в., аналитическая философия истории консолидировала различные интеллектуальные течения, испытывала разнонаправленные воздействия множества подходов. Одним из важных идейных источников этого процесса стала теория исторического познания Р.Дж. Коллингвуда. Трактую исследование прошлого в гегелевском ключе, британский философ предлагает в качестве фундамента своей историсофской программы теорию воспроизведения мыслительного опыта прошлого в современном контексте. В соответствии с данным подходом историк на основе сохранившихся свидетельств должен восстановить телеологию поступков исторических деятелей. Постижимыми в историческом смысле оказываются исключительно целесообразные акты, деяния, за которыми может быть прослежена мыслительная активность человека [3, с. 296]. Используя исторические источники как улики, исследователь восстанавливает случившееся в прошлом, постепенно раскрывает ход мысли участников событий и тем самым формулирует некую модель объяснения. Историк мысленно задает вопросы прошлому, ответы на которые подсказывают сохранившиеся от произошедшего сведения. Подобная стратегия представля-

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ «Лингвистический поворот и историческое познание как проблема западной философии второй половины XX – начала XXI века», № 17-33-00047.

ется возможной в силу рефлексивных возможностей мышления. Продолжая неогегельянскую доктрину Б. Кроче, Коллингвуд предлагает продвигаться от зафиксированной в документах внешней стороны исторических фактов к их внутренней стороне, сущностью которой является сознательное целеполагание деятелей. Способность человека мыслить и одновременно фиксировать и понимать ход своих мыслей становится необходимым условием исторического познания, позволяющим отделить объективированную идею от непосредственного жизненного опыта и передать её для воспроизведения в ином контексте. Как проявление самосознания субъекта, с этой точки зрения, мысль обладает двойственным, субъективно-объективным характером [4, с. 444]. Она представляется субъективной, поскольку естественным образом вовлечена в поток непосредственных переживаний сознания – чувств, эмоций, ощущений. Но одновременно с этим рефлексия объективирует мысль, отделяет её от индивидуального жизненного мира субъекта, что позволяет историку вовлечь её в свой собственный жизненный мир, сделать феноменом настоящего, понимая тем самым человека прошлого. Р.Дж. Коллингвуд иллюстрирует это примером воспроизведения одной из теорем Евклида, в связи с чем демонстрируется обобщающий характер такого рода операции – воспроизводя мысль прошлого, историк познаёт не единичное, не индивидуальное, но всеобщее [7, с. 56]. Таким способом подчёркивается взаимосвязь исторического и философского знания, необходимость сочетать анализ единичных актов, понимание их индивидуальности и неповторимости, с философской рефлексией, позволяющей включить событие в общий контекст исторического становления.

Методика воспроизведения предлагается в качестве способа исследования сингулярных фактов прошлого, понимания отдельных событий. Для увязывания подобных событий между собой, формирования последовательного исторического повествования Коллингвуд развивает теорию априорного воображения. При помощи способности к воображению историк восполняет неизбежные пропуски и лакуны в сведениях исторических источников. Такого рода операция не предполагает рационального анализа, глубокого осмысления произошедшего, исследователь просто связывает между собой два упоминаемых в сохранившихся документах события наиболее тривиальным, естественным для сознания способом. Если известно, что человек был в одном месте, а через некоторое время оказался в другом, историк с необходимостью должен прийти к выводу, что рассматриваемый персонаж определённым образом преодолел путь между этими точками [3, с. 229]. Точная реконструкция этого пути может быть недоступна в силу отсутствия необходимых сведений, но уверенность в том, что он был преодолен, не подвергается сомнению. В случае, когда по данным источников невозможно восстановить конкретные действия человека прошлого, у исследователя не остается материала для постижения явлений историческим ме-

тодом, но это не мешает формированию связующих нитей между уже известными феноменами прошлого. В рамках предложенной стратегии особенно важен априорный характер воображения – историк связывает события между собой не произвольным, но строго необходимым, единственно возможным с точки зрения человеческого сознания способом. В этом отношении постулируется возможность универсального, до некоторой степени, объективного подхода к написанию исторического сочинения. Рефлексивный анализ позволяет изучать деяния людей, раскрывая тем самым смысл исторических событий, устанавливая причинно-следственные связи между ними, формируя последовательный рассказ, в котором каждое явление занимает строго определенное место, в свою очередь, определяется доопытными, априорными структурами человеческого мышления. В результате складывается целостное повествование, отдельные элементы которого, будучи вплетёнными в единую канву развития, приобретают дополнительную значимость, а понимание общего хода событий оказывается качественно новым знанием, не сводимым к смыслу каждого отдельного явления в этой цепи. Элементы целостного повествования и сама целостность исторического рассказа, сложенная из этих структурных единиц, взаимно дополняют друг друга [7, с. 237], формируя общее видение прошлого, благодаря чему оно получает определённого рода объяснение.

Так, философская рефлексия Р.Дж. Коллингвуда приводит к утверждению универсального основания исторического познания, возможности всеобщего, целостного взгляда на процесс исторического становления. Исследование прошлого фундируется определённой идеей истории, неким априорным представлением о целостности контекста исторического становления. Подобное представление принадлежит каждому человеку в качестве архетипического элемента структуры его сознания [3, с. 237]. Установление каузальных связей между событиями прошлого, формирование последовательного исторического нарратива оказывается возможным в силу наличия нерелексивного, эмпирически не выводимого комплекса представлений о сущности и логике процесса становления человеческого общества, некоего основополагающего универсального взгляда на всеобщую историю. Исследование такого рода априорной идеи истории выходит за рамки собственно исторического труда, поскольку, как это предполагается доктриной британского философа, на её формирование не оказывает влияние непосредственная работа историка, знакомство с фактическим материалом науки о прошлом. Скорее наоборот, сама исследовательская работа коренится в представлениях о том, каким образом следует связывать отдельные события в единую последовательность. Идея истории в этом отношении рассматривается в качестве парадигматического комплекса абсолютных методологических и аксиологических предпосылок, которые не ставятся под сомнение в рамках выстроенной на их основе системы знания [9, с. 31].

В соответствии с развиваемой таким образом теорией Коллингвуда, исторический способ понимания и объяснения фактов сводится к увязыванию событий между собой как причин и следствий, т. е. к решению задачи построения взаимосвязанного последовательного исторического нарратива. Принципиально важно при этом то, что подобная взаимосвязь не возводится к сущности исторического процесса, не усматривается в непосредственной ткани общественного становления, но воспринимается как способность историка постигать единичные события прошлого и связывать их между собой непротиворечивым, убедительным образом.

Предложенная Р.Дж. Коллингвудом теория познания прошлого оказывается в основе своей изменчивой, многообразной и ситуативной. Методика вопроса и ответа – переносить центр тяжести исторического исследования с исторических источников как хранителей знания о прошлом на личность исследователя как непосредственного творца этого знания. Именно от историка, от того, какую проблему он поставит и какие вопросы задаст исследуемым документам, зависит представление о событиях прошлого, равно как и способ их увязывания в целостное повествование. В этом пункте прослеживается аналогия с размышлениями создателя аналитической философии – Л. Витгенштейна, согласно ключевому тезису «Философских исследований» которого смысл слова заключается не в раз и навсегда зафиксированной константе значения, но раскрывается только в практике его непосредственного употребления [1, с. 99]. Точно так же, как значение используемых людьми понятий меняется со временем и может быть нагружено индивидуальными коннотациями, понимание событий прошлого определяется индивидуальной точкой зрения исследователя, его личным опытом анализа и постижения исторического источника. Коллингвудианский подход, таким образом, развивает идею Б. Кроче о познании прошлого как знании, которое всегда остаётся современным, меняясь вместе с развитием исторической мысли. Это развитие формируется опытом конкретных исследователей, их вкладом в становление общей традиции изучения истории, что сближает данную теорию с герменевтическим видением исторического познания. Осуществленной М. Хайдеггером и Х.-Г. Гадамером радикальной «историзации» процесса исследования прошлого, согласно которой историческое познание не имеет возможности преодолеть герменевтическую ситуацию настоящего историка, соответствует отстаиваемая Коллингвудом самостоятельность исследователя по отношению к документальным свидетельствам. Вопросы, задаваемые историком, определяются не материалом источников, но его собственным интересом, проблемы, которые ставятся исторической наукой, существуют не в прошлом, но в конкретно заданной обстановке современности. Более того, сам способ формирования причинно-следственных связей между событиями, согласно теории британского философа, коренится в совре-

менном понимании исторического становления, в разделяемой историком идее истории. Последнее положение особенно важно в контексте становления аналитической философии истории, поскольку оно концентрирует внимание на вопросе познавательного потенциала исторического нарратива.

В подходе Р.Дж. Коллингвуда центральное место занимает концепция воспроизведения интеллектуального опыта прошлого в ситуации настоящего и выстраиваемый на её основе метод вопроса и ответа. Данным способом предлагается исследовать сингулярные исторические факты, конкретные события. Для связи этих событий в единую последовательно развивающуюся историю формулируется теория априорного воображения и универсальной идеи истории. С позиций аналитической философии истории подобное объяснение представляется недостаточным, в связи с чем именно вопрос о том, как отдельные факты выстраиваются в целостное повествование о прошлом и как при этом меняется смысл самих единичных событий, становится узловым проблемой в размышлениях представителей этого направления. Так, в частности, Л. Минк, исследуя этот вопрос, подчёркивает, что факт не может существовать и не может быть понят вне контекста какой-либо интерпретации, только конкретная стратегия объяснения, некий дискурс формулирует единичные факты и только целостное повествование определяет их значение [10, с. 5]. Для понимания события его необходимо вписать в историю, определить его место в причинно-следственной цепи других событий – понимание сопряжено с прослеживанием истории [8, с. 555]. В этом проявляется сама сущность течения времени как неразрывного единства прошлого, настоящего и будущего, единства, в котором каждый отдельный момент не существует сам по себе, но только во взаимодействии с другими. Историк же в своей работе должен фактически вырвать определенный промежуток из общего потока времени, представив его доступным для понимания образом, увязать события между собой так, чтобы они объяснили друг друга, выявив причины и следствия. Идеи американского философа, в некотором смысле, углубляют теорию Коллингвуда, утверждая нарративное представление событий прошлого в качестве полноценной исследовательской методики.

Несколько иным образом схожее видение исторического познания выражает А. Данто. Проводя своеобразный мысленный эксперимент, классик аналитической философии задаётся вопросом о том, какой должна быть идеальная хроника, чтобы исчерпывающе точно описать картину произошедших событий. В результате формулируется вывод, согласно которому хронисту для решения поставленной задачи с необходимостью требуется знать будущее [2, с. 146–147]. Верное понимание события возможно только как взгляд из настоящего в прошлое, иногда в очень далёкое прошлое, поскольку истинный масштаб и значение происходящего в данный момент раскрывается во временной пер-

спективе. Без учёта вызываемых последствий невозможно точное понимание событий. Но, с другой стороны, историк, учитывая его знание о последствиях, не в состоянии воспринимать исторические факты с позиции очевидца – «как они происходили на самом деле» [2, с. 154]. В этом моменте ярко проявляется методологическое своеобразие исследования прошлого: историку недоступно переживание прошлого, он не может оказаться соучастником исследуемых событий, будучи отделённым от них некоторым промежутком времени, но при этом у него есть неопределимое преимущество видеть последовательность взаимосвязанных событий. Нарративное изложение исторических фактов в такой интерпретации предстаёт не просто формой изложения результатов работы историка, но полноценной исследовательской стратегией в области исторического познания. Именно от исследователя зависит, в какую последовательность каузальных связей будет включен тот или иной факт, а следовательно, и понимание этого факта определяется методом построения исторического повествования. Сформулированная подобным образом концепция исследования прошлого ещё раз подчёркивает изменчивость и ситуативность исторического познания, допустимость множества подходов и мнений уже в силу того, что одно и то же событие может быть включено в бесконечное число различных причинно-следственных рядов, а значит, и бесконечно число объяснительных стратегий: «...как разные контексты определяют, какое из неограниченного числа возможных описаний объекта является подходящим для данного случая, так и конкретная временная структура, представляющая интерес для историка, зачастую определяет, какое из описаний данного события является правильным» [2, с. 162]. Способ построения исторического нарратива оказывается критически важной составляющей исторического исследования, понимание прошлого зависит не только от фактов, но и от стиля их изложения.

В этой связи особый интерес представляет изучение вопроса о том, какие выразительные средства, речевые приёмы доступны историку для описания прошлого. Попытку решить данную проблему предпринимает Х. Уайт. В рамках развиваемой им тропологии фиксируется многообразие возможных стилей и художественных приёмов, используемых при написании исторического сочинения. Конкретный способ организации фактов в нарративе при этом предстаёт результатом сочетания трёх модусов – сюжета, аргументации и идеологических убеждений автора [9, с. 29]. Выбор историком используемой стратегии изложения событий, по мнению американского философа, определяется не эпистемологическими, но скорее этическими основаниями: стиль повествования не зависит от поставленной исследовательской проблемы или характера исторических источников и в значительной степени отражает личностные особенности автора. В этом смысле повествовательная структура исторического сочинения оказывается выражением того, что

Р. Дж. Коллингвуд называл априорным воображением и идеей истории, – глубинных представлений историка о том, чем является прошлое и как его следует постигать и описывать.

Исследование Х. Уайтом стилистики изложения исторических событий в рамках научного повествования о прошлом приводит к выводу, согласно которому историческое познание не обладает собственной специализированной структурой рефигурации фактов действительности в нарративе. У историка нет профессионального языка, позволяющего с предельной точностью излагать произошедшие события так, как они могли бы быть наблюдаемы очевидцем. Для описания прошлого используются литературные возможности, художественный, в основе своей метафорический, язык выразительных средств и поэтических тропов, что сближает форму исторического исследования с художественным произведением.

Проблему демаркации, разграничения научного нарратива о прошлом и литературного повествования подробно исследует в своих работах П. Рикёр. Сочетая герменевтическую традицию с аналитической методологией, французский философ утверждает своеобразную универсальность нарративного подхода. В соответствии с данным подходом любой непосредственно переживаемый, нерелексивный опыт, даже если это опыт своей собственной идентичности, должен быть опосредован когнитивным аппаратом сознания и представлен в виде повествования, чтобы его можно было вывести на интересующий уровень, объяснить и понять. Так, сама возможность исторического способа познания возводится П. Рикёром к присущему каждому человеку опыту бытия во времени и памяти как инструменту, позволяющему оперировать со временем, проследить и постигать его. Именно критический анализ воспоминаний формируют самосознание в виде нарративной идентичности личности, т. е. рассказа человека о себе и своей жизни. По аналогии с индивидуальной идентичностью выстраивается понимание идентичности коллективных субъектов, которая также конституируется коллективной памятью, фиксируемой в виде материальных свидетельств – документов, архивов и т. д. История формулируется как исследование материальных выражений коллективной памяти [6, с. 236], результатом чего неизбежно оказывается рассказ, нарратив о прошлом. Французский философ допускает широкое многообразие возможных методик работы с историческими свидетельствами, вариативность объяснительных стратегий, но формой изложения для каждого исторического сочинения неизменно остаётся повествование. Историческое описание разделяет с художественной литературой общую форму рассказа, что позволяет говорить о перекрёстной референции между этими жанрами: литература заимствует причинно-следственную структуру, стремясь описывать события так, будто они действительно происходили в некоей реальности, а история оперирует метафорическим инструмента-

рием, художественными приёмами, используя воображение для реконструкции прошлого [5, с. 87].

История и литература очень близки по внешней форме изложения материала, но всё же не идентичны. П. Рикёр выявляет онтологическое различие между ними, указывая на неустранимое стремление научного исследования описывать прошлое по возможности максимально близко к тому, как события развивались в действительности. Средством верификации подобного приближения к реальности выступают исторические источники, в понимании которых французский философ, хоть и опираясь на традицию школы «Анналов», очень близок к идеям Р.Дж. Коллингвуда. Документы не рассматриваются как наборы фактов прошлого. П. Рикёр настаивает на необходимости критического анализа свидетельств: «...факт может считаться сконструированной процедурой, выделяющей его из ряда документов, о которых, в свою очередь, можно сказать, что они его устанавливают» [6, с. 251]. Реконструкция событий прошлого зависит от исследователя, от его профессиональных навыков, от тех проблем, которые он ставит, от вопросов, которые задаёт. Источником же знания о прошлом может оказаться любая деталь, помогающая установить факты, только историк может определить, что является свидетельством в контексте его работы. Определяющая роль исторических источников обосновывается тем, что, по мнению П. Рикёра, на их уровне осуществляется прямая взаимосвязь между прошлым и настоящим. Свидетельство осмысливается как объект, который когда-то был частью прошлой реальности, но в силу неких обстоятельств оказался из неё вырван и теперь присутствует в ситуации современности, удостоверяя тем самым действительность прошлого. Фундаментальной предпосылкой всего исторического знания оказывается взаимосвязь ткани исторического становления. Точно так же, как самосознание фиксирует единство изменяющегося во времени субъекта, история оказывается возможна вследствие неразрывного единства прошлого, настоящего и будущего.

Развиваемая Р.Дж. Коллингвудом теория исторического познания утверждает ключевое значение исторических источников, на основе которых исследователь должен реконструировать и понять события прошлого. Важной проблемой при этом оказывается вопрос о том, как отдельные события могут быть увязаны между собой, поскольку методика воспроизведения не позволяет проследивать длительные причинно-следственные ряды исторических фактов, что приводит Коллингвуда к формулированию концепции априорного воображения как инструмента построения последовательного рассказа о прошлом. В пределах аналитической философии истории поставленная проблема взаимосвязи событий прошлого получает принципиально иную интерпретацию. В работах Л. Минка, У. Дрэя, А. Данто, Х. Уайта постепенно кристаллизуется идея эпистемологической самостоятельности исторического narra-

тива. Последовательное повествование о случившихся событиях оказывается не просто естественной формой структурирования исторического материала, но и методом объяснения событий путем установления их причин и следствий. Способ связи отдельных явлений в последовательное повествование воспринимается как существенный элемент познавательной стратегии исторической науки. В этом смысле история предстаёт особой, самобытной научной дисциплиной, которая, с одной стороны, заимствует литературную форму изложения материала, активно использует язык художественных образов и приёмов, а с другой – формирует из этих ресурсов полноценную исследовательскую методику изучения актуально отсутствующих в современности явлений.

Список литературы

1. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994. С. 75–321.
2. Данто А. Аналитическая философия истории. М.: Идея-Пресс, 2002. 292 с.
3. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. М.: Наука, 1980. 489 с.
4. Киссель М.А. Р.Дж. Коллингвуд – историк и философ // Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. М.: Наука, 1980. 489 с.
5. Рикёр П. Время и рассказ. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. 313 с.
6. Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
7. Dray W.H. History as Re-enactment: R.G. Collingwood's Idea of History. Oxford: Clarendon Press, 1995. 347 p.
8. Mink L.O. History and Fiction as Modes of Comprehension // New Literary History. 1970. V. 1, № 3. History and Fiction, P. 541–558.
9. White H. Metahistory: the historical imagination in nineteenth-century Europe. Baltimore, 1973. 448 p.
10. Turner S. Collingwood and Weber vs. Mink: History after the Cognitive Turn // Journal of the Philosophy of History. 2011. V. 5, Iss. 2. URL:<http://faculty.cas.usf.edu/sturner5/Papers/CogSciencePapers/WebCollingwoodWeberMink.pdf> (дата обращения: 15.01.2020).

ON THE INFLUENCE OF R.G. COLLINGWOOD'S THEORY OF UNDERSTANDING THE PAST ON THE ANALYTICAL PHILOSOPHY OF HISTORY DEVELOPMENT

A.A. Avanesyan

Tver State University, Tver

The article is focused on the study of the relationship between R.G. Collingwood's theory of historical knowledge and the narrative model of understanding the past developed within the framework of analytical philosophy. The

Collingwood method of reproducing the intellectual experience of the past in a modern context raises the question of how to establish causal relationships between individual events of the past. The research of this problem by representatives of the analytical philosophy reveals the epistemological potential of the narrative. The methods available to the historian for formulating cause-and-effect relationships and linking individual elements of the past into a single coherent narrative in this approach appear to be a full-fledged research strategy in the field of historical science.

Keywords: *theory of reproduction, a priori imagination, the idea of history, narrative, analytical philosophy.*

Об авторе:

АВАНЕСЯН Артем Александрович – кандидат философских наук, научный сотрудник кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», Тверь. E-mail: timmmyyu@ro.ru

Author information:

AVANESYAN Artem Alexandrovich – PhD, research fellow of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: timmmyyu@ro.ru